

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Автор: Н. Ю. МАТВЕЕВА

МАТВЕЕВА Наталья Юрьевна - кандидат социологических наук, доцент Московского государственного социального университета (E-mail: pmatveev@yandex.ru).

Аннотация. Ставится вопрос о состоянии современной социологии. Рассмотрен процесс развития социологии классического периода с точки зрения основополагающих идей, заложенных учеными в понимание специфики этой науки. Сделан вывод о возможности выхода из теоретико-методологического кризиса с помощью обращения к парадигмальным установкам теорий Дюркгейма и Вебера и их объединения на общей почве.

Ключевые слова: социология современная * история социологии * социология классическая * позитивизм * ценность * смысл.

Сложность и широта объекта социологии, размытость ее методологических основ вследствие своеобразия свойств ее объекта, бесспорно, не идут ни в какое сравнение с другими науками. В то же время потребность в социологическом знании тоже столь велика, что вряд ли социология когда-либо сойдет со сцены научного знания, а ее роль будут выполнять другие отрасли общественнознания.

Начало XXI в. для развития социологии оказалось не самым успешным периодом. В научном сообществе созрело понимание того, что она находится в затяжном и глубоком кризисе, который, начавшись со сферы общетеоретической, перешел и на эмпирическую социологию, углубив разрыв, который всегда существовал между социологической теорией и практикой. "Неспособность в значительной мере класси-

ческой социологии и социологии XX века удовлетворительно решать проблемы темпоральности, культуры, политики и человеческой деятельности (human agency) широко признана. Однако никаких вполне убедительных альтернатив не разработано. Также очевидно, что претензии прежних теорий социальных перемен и модернизации на транс-историческую значимость несостоятельны перед лицом расходящихся путей социального развития и множественности модернов. Нам нужно делать выводы и противиться соблазну поспешной замены этих отвергнутых теорий какой-либо иной общей и мнимо универсалистской теорией - будь то постмодернизм, глобализация или любой иной лозунг, выхватывающий одну очевидную черту нашего, времени" [Аржоманд, 2000: 125], - таково мнение бывшего главного редактора журнала Международной социологической ассоциации "Международная социология" Саида Амира Аржоманда, которое выразило давно признанную проблему. Эта проблема состоит в **неспособности социологии в нынешнем её состоянии давать ответы на самые насущные вопросы общественной жизни.**

Интересно сравнить это мнение американского профессора рубежа XX-XXI веков с мнением о социологии русского профессора начала XX века С. Л. Франка. "...несмотря на эту свою давность и наличие огромной литературы, "социология" доселе не имеет ни точно определенного предмета, ни общепризнанных методов и научных традиций; в сущности, еще до сих пор нет социологии как определенной науки, а есть едва ли не столько же отдельных "социологий", сколько авторов, о ней писавших. Уже из этого ясно, что замысел ее не удался и страдает каким-то внутренним дефектом", - писал он [Франк, 1991: 250]. Кратко суть этого дефекта, по мнению Франка, состоит в стремлении социологии быть объективной наукой об объективных законах развития общества, в то время как основы общественности лежат в духовной области, не подвластной этим законам. Высказывание Франка является как бы ответом на вопрос Аржоманда, ответом, данным много раньше, чем был поставлен вопрос. Но этот ответ есть лишь формулировка той же, но поставленной по-иному проблемы. Остановлю внимание на общем моменте приведенных высказываний: они выражают проблему, возникшую очень давно и не разрешенную до сих пор. Проблема эта жизненно важна для социологии. Можно сказать, что на настоящий момент именно она является центральной проблемой теоретической социологии. Сформулирую её еще раз. **Социология, несмотря на бурное развитие по разным направлениям, владеющая многочисленными теоретическими подходами и исследовательскими методами, не дает ожидаемых результатов в оценке, диагностике и разрешении острых общественных проблем и прогнозировании процессов развития общества.**

Данная проблема часто осмысливается в научном сообществе как кризис социологии. Каждая сторона этого кризиса требует рассмотрения и осмысления. Не претендуя на полноту охвата, выделю в современной социологии следующее:

1. Все углубляющееся расшатывание теоретического фундамента, созданного предыдущими поколениями социологов;
2. Размывание представлений об объекте и предмете социологической науки;
3. Увеличивающаяся терминологическая неопределенность;
4. Размывание традиций, школ, преемственной связи теорий и научных практик; сюда же можно отнести тенденцию к исчезновению преемственности в вузовском социологическом образовании;
5. Методологический кризис в общей теории;
6. Нарастание негативных тенденций в эмпирической социологии, в том числе в ее методологической части;
7. Углубляющийся разрыв между теоретической и эмпирической социологией.

Развитие социологии в целом, а не только отдельных ее направлений, есть целостный процесс; единство процесса развития науки свидетельствует в ее пользу. Процесс развития социологии, как следует из вышеизложенного, достиг определенной стадии, на которой будет решаться будущее этой науки. Здесь стадия кризиса понимается как момент неопределенности в направлениях дальнейшего движения, неопределенности, возникшей вследствие причин, заложенных в самом этом процес-

се. Развитие социологии не есть простое накопление знаний. Это развитие подходов к познанию, конкуренция идей и смыслов социального познания, т.е. осмысление учеными сущности изучаемых феноменов. Поэтому *для выяснения причин нынешнего состояния социологии необходимо сформировать целостный взгляд на процесс ее развития с точки зрения заложенных в нем идей и их последовательной реализации*. Необходимо обнаружить внутреннюю логику идей и определить путь, который выведет эту науку на широкую дорогу научного знания, раскроет перед ней новые горизонты и даст простор для новых достижений.

Итак, мы предлагаем вернуться к истокам социологии и рассмотреть *логический ход развития социологии с точки зрения идей, заложенных и реализованных в этом процессе*. При этом мы исходим из того, что основополагающие идеи были заложены в классический период ее развития. Конечно, мы хотим показать только основную, стержневую логику развития этих идей, проанализировав ее связь с теоретическим кризисом этой науки.

Ни одна наука не развивалась сама по себе, без возникновения определенных идей, благодаря которым появлялась цель и направление ее развития. Научное знание не существовало как социальная ценность в Средние века не потому, что церковью запрещались какие-либо идеи, а потому, что в эпоху Средневековья в общественном сознании господствовали идеи совсем иного рода. Люди не стремились к познанию природы, они хотели познавать божественные предметы и управлять своими страстями с целью приобщения к высшему бытию. Природа вместе с человеком рассматривалась как мир падший и греховный, и смысл управления им утрачивался.

Однако постепенно человек осознал, что его разум может господствовать над этим миром, и, возможно, почувствовал это как свое призвание от Бога. Как известно, основной идеей, заложенной в развитие естественных наук, была идея познания законов природы с целью научного "овладения" природными силами и средствами. Вполне понятно, что идея познания социальных законов и, как результат, идея научного управления обществом, должна была возникнуть, лишь после того, как естественные науки доказали бы свои силы и возможности в достижении поставленной цели. Эта идея социологии была абсолютно аналогична идее развития естественных наук: ***общество есть часть природы, в нем действуют законы природного характера, и чтобы управлять обществом, необходимо познать эти законы***.

Идея закона природы как внутренней связи между явлениями была столь сильна, что ей должна была подчиниться в своем развитии не только наука об обществе, но и философия. Так, Гегель, выразивший пренебрежительное отношение к фактологическому знанию словами, что если факты противоречат его теории, то "тем хуже для фактов", подчинял логику развития понятий трем законам диалектики.

Надо отметить, что О. Конт отдавал должное значению логики развития идей для понимания общественных процессов. Всем известный "закон трех стадий развития знания", служащий теоретическим фундаментом системы Конта, без которого весь замысел ученого рассыпается, гласит, что сама логика развития человеческих идей ведет к возникновению социологии. Однако основа замысла Конта - идея о том, что существуют социальные законы, аналогичные природным, логически связана не с "законом трех стадий", а с "законом классификации наук". На этой идее он предполагал выстроить здание социологии. Его поддержали в научном сообществе, хотя и не везде сразу и однозначно. Например, германская традиция социальной мысли, с ее школами гегельянства и кантианства, в принципе не восприняла менее глубокие идеи Конта, - для германских традиций это был бы определенно шаг назад в развитии.

Естественно-научная методология раскрытия законов природы есть методология опыта и эксперимента, методология эмпирического знания, для которой факт есть основное непреложное понятие. Факт для естествоиспытателя - вещь священная. Если факт противоречит теории, значит, в теории есть ошибка. Фактическое знание есть фундамент, на котором строится здание теоретическое. Однако позитивизм Конта

ни в коем случае нельзя смешивать с эмпирическим, фактологическим подходом к познанию. Создатель социологии видел и понимал, что с социальными фактами дело обстоит сложнее, чем с естественно-научными. Конт, и впоследствии Э. Дюркгейм, введший в науку термин "социальный факт", вполне осознанно отметал все попытки придать его теории вид, обосновывающий главенство эмпирического подхода к изучению общества. "После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов... Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух в основе не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между этими двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу... Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом" [Дюркгейм, 1991: 78 - 79].

Это высказывание Конта приоткрывает завесу, скрывающую внутренний дефект, о котором говорил С. Л. Франк. Отвергая пути "эмпиризма" и "мистицизма": естественно-научный путь строгого следования фактам и философский путь осмысления внутренней духовной реальности общественной жизни, - Конт пытается утвердить новую науку на пути открытия законов - неизменной повторяющейся связи явлений. Факты, по-видимому, должны способствовать такому открытию, но вследствие несогласованности не могут быть единственной основой социологии. Но каков все-таки инструмент, открывающий нам законы общественной жизни, осталось неясным. Чувствуя слабость своей позиции, Конт вводит для социологии дополнительный сравнительно-исторический метод в трех вариантах: сравнения человеческого и животных обществ, сравнения одного и того же общества в разные исторические периоды развития и сравнение разных обществ на одном и том же отрезке времени. Эти методы в концепции Конта обосновывают саму возможность открытия социальных законов вследствие сходства некоторых или даже многих черт социального устройства разных обществ. К слову, эти методы стали основой популярного и ныне сравнительного метода в социологии.

Но сравнительно-исторического метода, как и других методов позитивизма, оказалось недостаточно для открытия законов общественной жизни, подобных по своей строгости и общезначимости законам естественных наук. Мало того - до сих пор не было открыто ни одного такого закона, хотя социологи признают, что некоторые закономерности все же присущи общественной жизни. Вопрос: где их искать, - остается открытым. Например, закон трех стадий Конта можно трактовать следующим образом: наше знание о мире претерпевает постоянные изменения, а социальные изменения связаны прямой зависимостью с ростом наших знаний. Более того, общепризнанная классификация социальных изменений: первобытное, традиционное, индустриальное, постиндустриальное общество, - основана на критерии роста знаний, как на одном из основных критериев (но не единственном). Но является ли эта связь двух или более групп явлений (рост знаний - социальные изменения) действительно законом в естественно-научном понимании, позитивным законом? Думаю, ответ будет отрицательным. Очевидная взаимосвязь явлений такого типа напоминает высказывание относительно движения тел: "если одно тело при движении столкнется с другим телом, то их скорости и траектории изменятся". Понятно, высказывание это является выводом из наблюдений, но не законом физики. Так или иначе, **в трактовке основателя этой науки социология может существовать лишь как наука о законах общественной жизни.**

Не только Конту приходила в голову мысль о создании науки об обществе. Ученым, реализовавшим ту же идею, был и А. Кетле. Но Кетле с цифрами и дока-

зательствами в руках устанавливал социально-статистические закономерности, показывая возможность и научную строгость своего подхода. Победу одержал научно не доказанный и даже принципиально недоказуемый, основанный на умозрительной идее проект О. Конта, свидетельствуя, что развитие науки определяется, в первую очередь, идеями, которые вынашивают сами ученые и которые выражают определенные потребности и цели общества, выраженные в идеях. На тот момент развития науки и общественного сознания можно фиксировать следующий факт: *вера ученых в естественные законы и идея их раскрытия побеждала даже веру в опытно-экспериментальную составляющую научного знания, вернее, вторая рассматривалась в качестве подчиненной.*

Следующий логический этап развития социологии связан с попытками реализации идей Конта о законах природы и взаимосвязи явлений в мире. Перед учеными открывалось поле деятельности: найти важный фактор, влияющий на общественную жизнь, пусть даже этот фактор не лежит в сфере социального, проследить его воздействие на общество. И ученые-социологи активно включились в работу по реализации поиска идеи закономерности общественной жизни. Выявлялись факторы, влияющие на социальную жизнь: географический, исторический (генетический), экономический, психологический (в многочисленных вариациях), антропологический, механистический или организмический. Все эти направления внесли весомый вклад в развитие социологического знания и сейчас являются теоретической основой научного поиска в сферах соответствующей проблематики.

Однако задача выявления взаимосвязей между социальными явлениями и разработки на этой основе схем социального прогнозирования и научно-обоснованного социального управления решена не была. Более того, выявились недостатки указанных теорий, в целом, бесперспективность развития социологии указанными путями.

Наиболее значительные проблемы возникли в связи с психологизацией социологических исследований. Широкое распространение психологизма в социологии было обусловлено реакцией ученого сообщества на избыток теорий, объясняющих социальное при помощи факторов, лежащих вне общества. Психология для социологии играла роль соломинки, за которую цепляется утопающий. Психологические теории в социологии основывались на предпосылке о том, что общество состоит из индивидов, а поведение индивидов определяется психологическими механизмами. Соответственно, поведение групп и масс, социальное взаимодействие и социальные установления также зависят, в первую очередь, от психологических факторов. Однако эта предпосылка верна не более, чем предпосылка географической школы о доминировании географического фактора, или экономической - о приоритете экономики в развитии общества. Итак, этот этап развития социологии был этапом *утраты перспектив развития вследствие смешения ее предмета с предметами других наук и общего методологического кризиса.*

Для человека, умеющего видеть не отдельные частные аспекты проблем, а целостный процесс, логически задача стояла так: социология должна четко определить свой предмет, в зависимости от этого определения прояснить методологические основы и отграничить свою область компетенции от областей других наук. Решение этой задачи было предпринято соотечественником Конта Э. Дюркгеймом, который резко очертил сферу изучения социологии как особую социальную реальность со своими свойствами, отличными как от психологических свойств индивидов, так и от всех других сфер реальности. Вопрос был поставлен со всей определенностью, именно так, как того требовала ситуация в социологии того времени. *Идея, проводимая Дюркгеймом, была конкретизацией идей Конта: социальное есть часть природы, но часть особая, со своими особыми свойствами. Мы должны изучать факты, но не взаимосвязь всех фактов в мире. Социальные факты похожи на факты природы по своим признакам: независимости от индивидов и принудительному на них воздействию, но это факты иного рода.*

Для понимания глубины мысли Дюркгейма важно обратить внимание на аспект, обычно ускользающий от внимания: ученый не только не отказывается социальным фактам в идеальной (идейной) сущности, но, напротив, понимание этого оказывается предпосылкой его теории. "Действительно, социальные явления осуществляются только людьми, они являются продуктами человеческой деятельности. Они, стало быть, не что иное, как осуществление присущих нам идей, врожденных или нет, не что иное, как применение их к различным обстоятельствам, сопровождающим отношения людей между собой. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества выступает, таким образом, как простое развитие идей, имеющихся у нас относительно общества, государства, справедливости и т.д. Следовательно, эти и аналогичные им факты, по-видимому, обладают реальностью лишь в идеях и через посредство идей, которые являются их источником, а потому и истинным предметом социологии" [Дюркгейм, 1991: 424].

Дюркгейм отделяет общество от природы, в особенности дистанцируясь от психологии. Однако он оставляет методологическое единство социологии и естествознания, опирающееся на понятие социального факта. Но социальный факт, в сущности, есть идея. Казалось бы, все понятно. Раз социальные факты - это идеи людей, то мы и должны изучать идеи, работать непосредственно с идеями. Однако тут нас поджидает определенная трудность. Оказывается, изучить социальные идеи, или коллективные представления, по Дюркгейму, можно, только относясь к ним как к вещам, заранее не известным и непроницаемым для нашего интуитивного представления о них, т.е. как к вещам внешнего мира. Хотя факты социальной жизни суть идеи людей, социолог не должен считать, что для их изучения ему достаточно рассмотреть идею какого-либо явления (например, идею ценности, права, обмена, семьи или частной собственности). Напротив, все эти идеи вылились в ряд конкретных явлений не идеального характера, и социолог должен наблюдать эти явления: "Нам дана не идея, создаваемая людьми о стоимости, - она недоступна наблюдению, - а стоимости, реально обмениваемые в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о пользе или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, то все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь посредством феноменологической реальности, выражающей их. Мы не знаем а priori, от каких идей происходят различные течения, на которые распределяется социальная жизнь, и существуют ли они; лишь дойдя по ним до их источников, мы узнаем, откуда они происходят" [Дюркгейм, 1991: 432]. Изучать идеи об обществе с помощью наблюдения внешних, видимых и фиксируемых, не идеальных воплощений этих идей, их форм в общественной жизни, - так ставит задачу ученый. Только при помощи такого, объективного и беспристрастного, наблюдения, исследователь сможет сделать выводы относительно подлинной сущности рассматриваемого явления.

Итак, метод Дюркгейма, трактуемый зачастую упрощенно-позитивистски, как метод объективного исследования внешних фактов "общественности", на самом деле содержит сложные и глубокие аспекты. Заслугой этого ученого перед социологией стало утверждение ее самостоятельного существования как науки. Если после Конта все же оставалась возможность отрицать обоснованность ее возникновения, то после Дюркгейма само такое отрицание стало безосновательным. Однако теперь со всей остротой встал вопрос о методе. Он также был поставлен, но не разрешен, в творчестве ученого. Мы должны судить об идеях людей при помощи исследования внешних фактов, в которых эти идеи выразились, "материализовались", - вот краткая формулировка идеи о методе социологии, как его видел Дюркгейм. Но, видимо, потом от идей мы должны снова вернуться к фактам, ведь конечной целью наших усилий

все же является знание о реальных процессах и прогнозирование внешних событий общественной жизни, а не только работа с идеями. И хотя Дюркгейм показал возможности социологии и разработанного им метода в своих трудах, проблемы методологии социологии в его творчестве рождали новые вопросы. Объединить позитивистское следование принципу **исследования** внешних фактов социальной действительности с антипозитивистским в своей сущности убеждением, что социальные явления образуются идейно-смысловыми основами, было невозможно в рамках методологии, предложенной Дюркгеймом. Для этого требовалась гораздо более сложная методологическая работа, которая не могла быть проведена без теоретической базы, на которой возникла понимающая социология. Кроме того, если методологическая ориентация, предложенная Контом, давала ученым поле творческого поиска и открытий, метод Дюркгейма, несмотря на научную проработку, не был плодотворен в смысле конкретного использования научным сообществом. В этом факте заключен показатель некоей границы, рубежа, до которого дошла идея позитивизма в своем чистом выражении, воплотившемся в "Метод социологии" Дюркгейма. Нужно было искать новые пути и перспективы для науки, уже имеющей черты зрелого состояния, но все еще спорной.

Такие пути были найдены в лоне германского неокантианства и философии жизни В. Дильтея. **Следующий логический этап развития социологии увязан с возникновением понимающей парадигмы.** Если социология Дюркгейма была доведением до логического предела позитивистской парадигмы, то понимающая социология предприняла научную революцию, заявив о предпосылках, в корне противоположных позитивизму. Оно отказалось изучать общество со стороны его внешних, фактических проявлений и признаков, не считало нужным говорить об особых характеристиках общества как целого, внешних и принудительных по отношению к индивиду. Тем самым оно снимало оба противоречия, к которым пришла позитивистская методология: между внешней, фактической стороной общественности и ее внутренней, смысловой стороной; между обществом как жесткой структурой и индивидом как свободной мыслящей личностью. Понимающая социология сделала своим предметом действия, взаимодействия и символические средства общения людей, при этом отказываясь от психологических, бихевиористских подходов.

Основной категорией понимающей социологии является **категория смысла**. Свойство осмыслять окружающий мир, общественные отношения и собственные действия - основное свойство, характеризующее человека как социальное существо. Термин "смысл" для понимающей социологии означает субъективную трактовку событий, явлений и собственных действий индивидами. Именно поэтому понимающая социология, включающая, кроме теории Вебера, феноменологию, этнометодологию, символический интеракционизм, отчасти другие теории и подходы, основывается на предпосылках социального номинализма. Но смысл нельзя измерить, он не может быть предметом опыта и эксперимента, его можно только понять. Для В. Дильтея понять - значит постичь суть внутренним видением. Однако этот подход в социологии оказался неприемлемым в связи с отсутствием возможности научной верификации.

М. Вебер, проведший большую работу в плане методологии научного познания смысла, не считал его постижение процедурой, принципиально не доступной научному подходу. Для Вебера понимание смысла - это логическая процедура интерпретации некоторой смысловой данности, смыслового единства. Эти смысловые единства часто выступают как типические, повторяющиеся конструкции, как в индивидуальном поведении, так и в социальных событиях или явлениях. Поэтому Вебер говорит о выявлении типического смысла. На основе такого аналитического подхода возникает идеальный тип, как инструмент **социологического** познания. Идеальный тип - это чисто логическая конструкция явления, процесса или поведения, носящего массовый характер. По словам Вебера, "...в науке, предметом которой является смысл пове-

дения, "объяснить" означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие... "Понимание" во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чистом типе ("идеальном типе") некоего часто повторяющегося явления" [Вебер, 1990б: 609]. Таким образом, понимающая социология чрезвычайно далека от иногда приписываемой ей иррациональности и интуитивности. Это рациональный подход к научному изучению такого внутреннего, духовного явления, каким является смысл человеческих действий. В самом факте обнаружения возможности научного исследования смысла, в утверждении смысла как основы социального познания состоит великая заслуга понимающей социологии.

Так называемое объективное исследование, стремящееся придать разрозненным социальным наблюдениям или фактам закономерный характер, бессмысленно, утверждает М. Вебер. Бессмысленно не потому, что, как полагают многие, эти явления труднее поддаются систематизации и закономерной связи. Причина несоответствия общественных явлений исследовательским методам позитивизма заключена в другом. Социальная действительность структурирована в единичных связях, которые должны быть поняты в их значении, т.е. в их смысловом выражении, соотношенном с ценностными идеями, или ценностями. Чтобы познать общество, мы должны рассматривать каждый отдельный случай его жизни под углом зрения ценностных идей, или в его *отношении к ценностям*. "Культура", - пишет Вебер, - есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значением. ... Данное *чисто формально-логическое положение* имеется в виду, когда речь здесь идет о логически необходимой связи всех "исторических индивидуумов" с "ценностными идеями" [Вебер, 1990а: 379]. Таким образом, классик акцентирует внимание на том, что утверждения о главенстве операции отнесения к ценностям в социальной науке - не плод личных научных или философских пристрастий ученого, даже не аксиоматическая предпосылка теории, а *вывод формальной логики из рассмотрения внутренних свойств изучаемого объекта*.

Итак, эта парадигма утверждает в качестве базовой категории социологии понятие *ценности*, причем четко постулируется, что ценность не есть какое-то этическое или желаемое свойство, а идея. *Ценность в понимающей социологии - это идея, значимая для человека в его осмыслении мира и своих действий в нем*. Не просто осмысление мира и человека, но осмысление их в отношении к ценностям, - вот то коренное свойство общественных отношений, их специфика, которую раскрыла понимающая социология. Это великое научное открытие, совершенное учеными данного направления в совместном поиске. Этим открытием они приподняли завесу тайн социального. Однако до сих пор практическое использование этого открытия, да и теоретическое его развитие, не приобрело необходимых характеристик, чтобы можно было говорить о его полном принятии и понимании даже среди научного сообщества. Тем более нельзя сказать, что широкая общественность его поняла или приняла так, как она приняла хотя бы открытие клетки, теорию Дарвина или теорию относительности А. Эйнштейна. *Именно в силу чрезвычайно высокого уровня абстракции то, что лежит в сфере, наиболее значимой для жизни людей, сфере, гораздо ближе затрагивающей их духовные и материальные интересы, нежели открытия естественных наук, оказывается не только не понятым, но и как бы не нужным обществу, а интересуется только небольшое количество специалистов*.

Несмотря на утверждение о том, что есть только два типа смыслов - смысл индивидуального действия и теоретически конструируемый чистый тип смысла ("идеальный тип") [Вебер, 1990б: 603], вся социология Вебера была устремлена не к анализу личностных моментов в социальной жизни и не к анализу межличностных

взаимодействий. В сущности, она носит характер макросоциологический, т.е. характер исследования социальных структур, будь то формы власти, типы религиозных систем, типы управления или типы масштабных социально-экономических систем (капитализм, феодализм). Смысл для Вебера - смысл общезначимый, смысл *культурный*, а культура - это системная целостность с определенной ценностной сущностью. Именно поэтому социология Вебера дала основания для плодотворного возрождения структурного подхода в общественной жизни, каким стал структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертон. Социологическая концепция суперсистем культуры П. Сорокина также была теоретической основой для такого возрождения. Даже глубину учения Мертона о явных и латентных функциях, и о латентности как социологически наиболее значимом свойстве системы, нельзя понять, если не учитывать, что латентные функции указывают на отношение к ценности данного института более непосредственно, нежели явные.

Парадигмы межиндивидуальных отношений, исходящие из особых свойств индивида как личности (микросоциология), получили право на существование в качестве равноправных научных концепций только с утверждением другой ветви понимающей социологии - символического интеракционизма и феноменологии. Создатели этих теорий действительно стремились к изучению индивидуальных смыслов и значений, а также к познанию механизмов общения, как особого феномена.

От этих двух направлений: структурного и индивидуально-личностного, - получили развитие такие социологические теории недавнего времени, как структуралистский конструктивизм П. Бурдьё и теория структуризации Э. Гидденса. Таким образом, классические парадигмы в социологии обеспечили потенциал для почти векового развития этой науки. Но, к сожалению, в социологии постепенно выхолащивался тот пафос изучения смыслового отношения к социальной действительности через соотнесение с ценностными идеями, который был заложен в учении основателя понимающей социологии Вебера. Структура стала рассматриваться в русле теории Дюркгейма о социальных фактах, или социальных институтах, как внешняя и принудительная по отношению к индивиду. При этом забывалось, что Дюркгейм указывал на идеальное происхождение социальных фактов. Внешней структуре противопоставлялся осмысленный и живой мир индивида, "жизненный мир", который нужно было как-то соотнести не с ценностными идеями, а со структурой социального мира, имеющей характер реальных фактов. Тем самым была совершена ошибка, заложенная в учении Парсонса о социальном действии как системе и далее только доведенная до логического конца. Социологи переключили внимание с изучения того, каким образом индивидуальные смыслы превращаются в коллективные ("коллективные представления") и каким образом происходит соотнесение социальной действительности с ценностными идеями, на вопрос о том, каким образом внутренний мир личности с ее уникальностью взаимодействует с социальной структурой, понимаемой как жесткие устойчивые связи, к которым индивид вынужден приспосабливаться. Иными словами, предмет социологии был перенесен в абсолютно иную плоскость, причем сама постановка проблемы указанным образом была в корне неверной. Таким образом, была выхолащена основная идея понимающей социологии. При этом, правда, казалось, что понимающая социология берется в качестве парадигмальной основы социологического знания.

Тем самым методологические подходы Дюркгейма и Вебера, которые могли бы быть плодотворно объединены на общей почве, оказались в отношениях непреодолимого противостояния на основе помещения в центр социологического теоретизирования антиномии личности и общества. На деле творчество Дюркгейма и Вебера доказывает ненужность для социологии фиксации внимания на этой антиномии, ведущей к безрезультатной трате научных усилий на разрешение противоречия, принципиально лежащего вне компетенции науки и неразрешимого научными методами

Разработки ведущих теоретиков современности дают много в плане развития отдельных аспектов **социологической** теории, познания реальных механизмов взаимодействия общества с индивидом, много методологически ценного для анализа отдельных сфер общественной жизни. Временный поиск по разным направлениям иногда бывает полезен, если ищущий помнит, что ему надо вернуться на главную дорогу. Вышеизложенные замечания ставят своей целью не критику отдельных теоретиков, которые, исходя из поставленных ими проблем и задач, достигли значительного прироста **социологического** знания и заслужили статуса классиков. Наличие столь глубоких теорий социологии говорит о том, что эта наука не может не иметь перспектив дальнейшего развития.

Итак, теоретические возможности социологии далеко не исчерпаны. Проблема не в том, что эта наука исследовала все пути и не нашла на них ни желаемого единства, ни мощного инструмента управления обществом. Проблема в том, что она запуталась в множестве путей, поскольку не смогла из этого многообразия выделить главные. Однако она должна найти выход из кризиса, и сделать это сможет, вернувшись назад и внимательно исследовав собственные пути развития не как случайное нагромождение теорий и мнений, а как *логически взаимосвязанный процесс*.

Перспективный путь развития социологии отмечен следующими парадигмальными характеристиками:

Рассмотрение социальных явлений как особой сферы реальности со своими особыми свойствами.

Понимание того, что фундаментальное свойство социальных явлений - наличие смысла, как специфической характеристики, позволяющей соотносить действительность социальных явлений с феноменом ценностей, или ценностными идеями. Социология должна принять принципиальную схему Вебера о сущности социального, как особой сферы бытия, заключающей единство мира фактов и мира ценностей через смысловое отношение индивидов к миру.

Переосмысление теории социальных фактов Дюркгейма в русле понимания того, что социальные факты заключают в себе ценностные идеи, или идеи социальных явлений.

Для скорейшего выхода из кризисного состояния социологам было бы полезно отказаться от выдвижения проблем индивид-общество, как неразрешимых средствами науки и относящимся к философским антиномиям рассудка. Исходя из этих постулатов и с опорой на методологию **классической социологии**, необходимо выстроить логически стройную систему научной **социологической** методологии. Сам по себе возврат науки к своим истокам призван найти общую почву для многочисленных теорий и подходов и общее видение дальнейшего движения. После этой интеллектуальной работы откроются перспективы дальнейшего развития этой науки. Тем более, что для этого возрождения есть еще одна фундаментальная основа - русская социология. Но об этом тема отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржоманд С. А. О ключевых проблемах современной социологии (мнение главного редактора) // Социс, 2000, N 1. С. 125 - 126.*
Вебер М. 1990а. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания / Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 345 - 415.
*Вебер М. 1990б. Основные **социологические** понятия / Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602 - 644.*
Дюркгейм Э. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. С. 393 - 532.
Франк С. П. Духовные основы общества / В сб. Русское зарубежье. Лениздат, 1991. С. 243 - 433.